

A close-up photograph of several green apple leaves. The leaves are covered in numerous small, clear water droplets, suggesting they have been recently watered or are in a humid environment. The lighting is soft, highlighting the texture of the leaves and the glistening droplets.

Надежда Скорняков

СОСЕДСКИЕ ЯБЛО

сборник
рассказов

Надежда Скорнякова Соседские яблоки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17689915
ISBN 9785447454029

Аннотация

У каждого из нас есть свой потайной уголок, в котором мы храним самые дорогие вещи. У кого-то это сейф, у кого-то шкатулка. Да мало ли, что еще. Для автора данной книги такой уголок – память, где она и хранит свои ценнейшие сокровища – воспоминания. Хочешь, загляни. Только никому ничего не рассказывай!

Содержание

Рассказы	5
Кладовая сердца	5
Соседские яблоки	6
Дети войны	10
Васька	12
Камень	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

**Соседские яблоки
сборник рассказов
Надежда Скорнякова**

© Надежда Скорнякова, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рассказы

Кладовая сердца (вместо предисловия)

У каждого из нас есть свой потайной уголок, в котором мы храним самые дорогие вещи. У кого-то это сейф, у кого-то шкатулка, да мало ли, что еще. Для меня, например, это – моя память. В ней я храню свои ценнейшие сокровища – воспоминания.

У большинства людей самые ранние запечатленные события уходят корнями не глубже шестилетнего возраста. Я же помню себя чуть ли не с года.

Разные картины в памяти теснятся. В основном лица и голоса. Что-то помню отчетливо до деталей, а какие-то моменты совсем размыты.

Но, не смотря на всю отсылку к памяти, истории, включенные в сборник – художественный вымысел, хотя и основаны на реальных событиях. Любые совпадения с реально существующими людьми, или обстоятельствами – не более чем случайность. Даже если вам вдруг покажется, что вы лично знакомы с персонажами этих рассказов, или ранее слышали от кого-либо такие разговоры, я вам отвечу:

– К моему глубокому сожалению, таких личностей в реальной жизни – пруд пруди. А поэтому материала для размышлений и фантазий у меня было предостаточно. Ни каких конкретных людей, давших свои характеры моим героям, я не использовала. Все это не более, чем плод моей фантазии.

Соседские яблоки

Есть среди моих воспоминаний одно, для меня самое ценное. Ему отведено самое почетное место. Было мне тогда года четыре с половиной и, как и большинство детей нашей, тогда еще необъятной родины, меня водили в детский сад. Территория заведения, в которое меня распределила система, раскинулась среди частного сектора, и со всех сторон детские площадки окружали заборы, за которыми были огороды и сады.

Я, сколько себя помню, никогда не умела стать частью коллектива. Мне претило хождение строем и игры под лозунгом «делай, как я». А про режим так вообще молчу. Не подумайте, что я была изгоем. Нет. Другие дети ко мне тянулись. Только мне с ними было неинтересно. Мой внутренний мир всегда интересовал меня гораздо больше внешнего. Сейчас это называют модным словом – интроверт.

Однако в тот день, который я так бережно храню в памяти, вышло так, что я позволила вовлечься в мои игры посторонним. Между верандой на площадке нашей группы и забором соседнего садового участка был очень уютный закуток, в котором я предпочитала прятаться от желающих нарушить мое уединение. Прямо рядом с забором с противоположной его стороны росла яблоня. Урожай уже созрел, и крупные, спелые, хотя и с легкой кислинкой яблоки усыпали землю вокруг ствола. Ручка у меня была маленькой, и я запросто могла просунуть ее через сетку, чтобы добыть желанное угощение и им полакомиться. И как-то так случилось, что меня за этим занятием (поглощением яблок) застала милая девочка Настя.

– А что ты здесь делаешь? – Спросила она меня. – Почему ты не играешь с другими детьми на площадке.

– Яблоки ем, – честно ответила я. – Здесь тенек, а на площадке жара и шумно.

– А можно я посижу с тобой? А то там и правда жарко, – в ее голосе послышались слезливые нотки.

– Можно, – отчего-то ответила я. – Только не болтай много, а то прогоню.

И Настя осталась сидеть со мной. Только молчать у нее не получалось:

– Тебе нравится мое платьице? Это мне мама сшила. А еще вчера мой брат принес домой дохлую крысу. Папа так ругался, а мама плакала. А почему ты почти никогда не играешь с другими детьми? Тебе с нами неинтересно?

– Вы болтаете слишком много ерунды, – грубо ответила я. – Как ты сейчас. Мне с вами скучно.

Она чуть не разревелась. Но, помедлив, передумала:

– А где ты взяла яблоко? Нам на завтрак яблоки не давали. Ты из дома принесла? А у тебя еще есть? Я тоже хочу.

Я небрежно махнула рукой на забор:

– Хочешь, доставай. Тут их полно.

Настенька растерялась:

– А можно?

– Можно. Ты не съешь, так сгниют. Они тут уже неделю валяются, а хозяевам до них дела нет.

То ли она мне поверила, то ли яблок ей очень хотелось, но больше спорить она не стала, а попробовала просунуть ладошку через сетку. Однако, рука ее оказалась больше моей и не пролезла. Она с обидой посмотрела на меня:

– Я не могу, достань ты. А то я сейчас зареву, и сюда все сбегутся.

Такое развитие событий было вероятно, но меня не устраивало. Пришлось доставать ей яблоко самой.

– Фу, это не вкусное! – опять закапризничала она. – Достань другое.

– А где волшебное слово?

– Зареву!

Пришлось доставать еще одно. «Вот по этому я с вами и не дружу!» – со злостью подумала я. А в слух сказала:

– Настя, мне кажется на площадке тебя кто-то звал.

Настенька оживилась:

– Точно! Мы же в прятки играли. Я тут спрятаться хотела, но увидела тебя и забыла.

С этими словами она убежала на площадку, а я вздохнула с облегчением. Наконец-то удалось от нее избавиться. Но радовалась я рано.

Наслаждаться тишиной мне пришлось недолго. Минут через десять в моем убежище опять появилась Настя, но не одна, а с воспитательницей. Настенька была вся в слезах. Как выяснилось, она вернулась на площадку с яблоком. Другие дети его увидели и начали ныть, что они тоже хотят. Моя несостоявшаяся товарка с радостью им объяснила, что я сижу за верандой, рука у меня через сетку забора пролазит, и я могу достать им сколько угодно яблок. На соседнем участке растет яблоня, плоды валяются на земле, а хозяева их не собирают. На мою беду пламенные речи Насти услышала воспитательница.

Только ту часть, в которой Настенька говорила про меня, она прослушала и решила, что Настя сама таскает яблоки из соседского сада:

– Ты понимаешь, что брать без спроса – это воровство! А ты – воровка! До вечера будешь стоять в кладовке, а вечером я все расскажу твоим родителям! Такие наклонности надо пресекать в детстве!

Настенька разревелась:

– Это не я! Это все она! Она мне разрешила! Я не без спроса!

Тут она сдала меня с потрохами. Мое местонахождение было обнаружено, и все ранее озвученные наказания пали на мою голову. Но, странное дело, они меня абсолютно не задели. Слова «воровство» и «воровка» не входили в мой детский лексикон, и об их обидности мне приходилось только догадываться по интонации воспитательницы. Перспектива простоять до вечера в кладовке, в которой все время кроме тихого часа на огромных стеллажах хранились матрасы и раскладушки, меня не пугала. Я в силу своего характера бывала там достаточно часто, и по праву считала своей вотчиной, так как бывала там раз в десять чаще, чем другие дети. В одной из стен было огромное окно с широким подоконником, на котором я любила сидеть и подглядывать за котами, гуляющими по окрестным крышам. А стеллажи можно было использовать как лестницу и забираться под самый потолок. Так что этим «наказанием» меня скорее можно было обрадовать, чем огорчить.

Оставались родители. Мама в то время сидела дома с моим новорожденным братом, поэтому в сад и из него меня водил папа. А так как папа был свой человек, всепонимающий, то и это меня особо не волновало. Я была жутко зла на ябеду-Настю и на воспитательницу, за то, что они всем показали, где я обычно скрываюсь, и теперь мне придется искать новое место для игр. А таких укромных уголков на нашей площадке больше не было.

За этими тягостными раздумьями я не заметила, как пролетел остаток дня и наступил вечер. Пришел папа, и воспитательница выполнила свое обещание все ему рассказать. За то время, пока я сидела в кладовке, рассказ успел обрасти новыми подробностями. С ее слов оказывалось, что я не только воровала яблоки через соседский забор, но и подбивала детей из группы делать тоже самое, рассказывая им, что раз хочется, значит можно. Я от обиды чуть не заревела.

Папа выслушал и спокойно спросил меня:

– Так дело было?

– Не так! – закричала я. – Она врет.

– Но ты же воровала яблоки! – разозлилась воспитательница.

– Я не воровала! Я брала то, что было никому не нужно! И никого я не подбивала! Это вы все выдумали!

Отец мой был человек рассудительный. Быстро смекнул, что проще со мной наедине поговорить, собрал меня и вывел из группы, пообещав воспитательнице, которая все никак не унималась и требовала для меня самого строгого наказания, что обязательно разберется и примет необходимые меры, а тяжесть моего наказания решать только ему.

Пока мы не вышли из садика, папа молчал. И только за воротами остановился, присел, посмотрел мне в глаза и спросил:

– Ты мне правду сказала?

– Да, – ответила я. – Папочка, ты же учил меня не врать!

– Тогда пошли.

Но пошли мы в совершенно другую от дома сторону.

– Пап, а куда мы идем? – не выдержала я через пол квартала.

– Сейчас узнаешь. Я же пообещал воспитателю, что разберусь и приму необходимые меры. Идем принимать меры.

И мы пошли дальше.

Как выяснилось, шли мы на крохотный стихийный рынок, где жители окрестных домов продавали излишки урожая жильцам недавно выросших под боком многоэтажек. Там папа купил целый пакет яблок и отдал его мне в руки.

– Папочка, это все мне? – начала было радоваться я.

– Нет, – ответил отец. – Потерпи, сейчас поймешь.

Мы обошли квартал почти полностью. А папа все что-то высматривал. Я очень устала. Пакет был тяжелый, да и идти надоело. Но жаловаться я не решалась. Искренне веря, что папа знает, что делает.

Вдруг папа остановился перед неприметной зеленой калиткой и сказал:

– Пришли. Слушай меня внимательно. Сейчас ты постучишь в калитку и дождешься ответа хозяев. Когда они тебя спросят, зачем ты пришла, ты честно им расскажешь все, что произошло и попросишь прощения за то, что брала яблоки без спроса, а этот пакет им отдашь в качестве компенсации.

– Папочка, но здесь же намного больше яблок, чем я у них брала! Зачем им столько? Им и те не нужны были!

– Почему ты решила, что яблоки им не нужны?

– Но они же их не собирали!

– А вдруг они их специально не собирали, чтоб что-то сделать потом из всех сразу? Или просто не могли собирать по какой-то причине? Например, болели? Почему ты решаешь за других, что им нужно, а что нет?

Нужно отметить, что за счет углубленного интереса к моему собственному внутреннему миру у меня было хорошо развито воображение. Я живо представила, что там живет какая-нибудь старенькая бабушка, у которой сгорблена спина, яблок хочется, а нагнуться за ними она не может. В выходные к ней приходят родственники, она просит их насобирать яблок, а яблок уже нет. Потом моя фантазия нарисовала мне больного ребенка, мама которого сидит с ним неотлучно неделю, и вот ему становится лучше, он просит яблочко, мать идет в сад, а там ни одного не осталось.

Тут мне стало по настоящему стыдно. Я решила, что поступила очень-очень плохо. И от этого мне стало так совестно, как не было до того ни от одного сказанного воспитательницей слова. Я приросла к месту. Папа, видимо, принял мое замешательство за боязнь и сказал:

– Не бойся, я буду рядом. Но это ты должна сделать сама.

Его голос вывел меня из оцепенения, и я постучала. Сначала робко и тихо. Потом громче. На мой стук во дворе залаяла собака и на крыльцо дома вышла хозяйка. Это была миловидная женщина, годами, как мой отец.

– Тебе чего, малышка?

– Тетенька, у меня к вам яблоки и важное дело! – Пролепетала я.

– Какое такое важное дело? И зачем нам яблоки? У нас у самих яблоня есть.

– Вот по поводу этой яблони и дело. Можно мне зайти? Только собачку подержите, а то я ее боюсь.

Женщина закрыла собаку в сарае и открыла мне калитку.

– Ну заходи, раз не шутишь. Садись на лавку, рассказывай.

Я, набравшись храбрости, шагнула во двор и примостилась на указанном месте.

– Тетенька, тут такое дело, – и я рассказала ей все, что со мной произошло.

На протяжении всего моего рассказа она только кивала головой и молча слушала.

– Скажите, а у вас ребенка больного нет? А может бабушка старенькая с вами живет? – скороговоркой в конце выпалила я.

– Да нет у меня пока детей. Одни мы с мужем живем. И бабушки старенькой у нас нет.

В этот момент у меня как камень с души упал.

– А почему же вы тогда яблоки не собираете?

– Некогда было. Работаем мы с мужем много. Утром рано уходим – не до яблок, а вечером темно уже, поздно собирать. Это я сегодня раньше с работы пришла, потому что пятница – короткий день. Я завтра как раз хотела яблок набрать и варенье сварить.

– Как хорошо, что только завтра! Вот! – И я быстро втолкнула ей в руки пакет. – Это папа купил, чтоб я вам отдала вместо тех яблок, что съела.

– Да что ты, деточка! Тебе яблоки нужнее. Тебе витамины нужны. Вон какая бледненькая.

– Это я от природы белокожая. Так бабушка говорит. Потому что мои предки на севере жили, и кожа у них к солнцу не привычная сделалась. А вы яблок покушаете, и у вас с мужем тоже детки будут. Румяные, как яблоки.

Она расплакалась.

– Наивное ты дитя, ребеночек не от яблок появляется. Да рано тебе еще это знать. Забирай свой пакет и беги домой, а то поздно уже. И еще, если тебе, или твоим друзьям из группы впредь яблок захочется, берите, не стесняйтесь. А воспитательнице скажешь, что я вам сама разрешила. Я ей табличку напишу и на забор повешу, чтоб больше без разбору глупости не кричала. Как же вы разрешения спросить могли, когда нас дома никогда нет.

– Все равно, тетенька, я теперь понимаю, что всегда спрашивать надо, если что-то чужое взять хочется. А если не у кого спрашивать, то и брать нельзя. Вы очень добрая! Пусть у вас будет много-много детей! А я и правда побегу, а то там папа заждался.

Распрощавшись наскоро, и получив доверие к пакету еще несколько яблок, я выбежала к папе. Он все слышал через забор, но ни разу не вмешался. Женщина, что вышла проводить меня за калитку, поздоровалась с ним и сказала:

– Правильно дочь воспитываете. Человеком вырастет.

– Папочка всегда все правильно делает! – поспешила я похвастаться, и на этом мы пошли своей дорогой.

Как бы мне сейчас хотелось оказаться в этом воспоминании. Внутри. Там мир еще был огромен и чист. Там отец жив, а я его воспринимаю, как божество, не имеющее права на ошибку. Там мы с ним еще идем одной дорогой... Эх, дороги... Куда вы меня потом только не заводили. Как только ни манили, как ни мучили... Столько воды утекло... Только урок этот со вкусом яблок я усвоила на всю жизнь.

Дети войны

*Посвящается памяти моих бабушек – Тарасенко Нины
Тимофеевны и Скорняковой Елены Иосифовны*

Мне повезло родиться и вырасти в мирное время. О том, что такое на самом деле война, я имею лишь смутное представление, составленное мною по книгам, фильмам, историческим передачам, а главное – по рассказам моих бабушек, которые, к слову сказать, не любили об этом распространяться. Видно, берегли мою детскую психику, так как сами они пережили все эти ужасы еще детьми. Однако, кое-что из их воспоминаний все-таки стало мне известно уже во взрослом возрасте.

I

В маленьком городке Первоуральске, что недалеко от бывшего Свердловска, а ныне Екатеринбурга, жила-была девочка Лена. Родилась она в дружной семье Веры и Иосифа, которых в сложные годы после развала Российской Империи неисповедимые пути господние завели из польского городка Вильна на Урал. Кроме Лены в семье был еще старший сын – Геннадий.

Никто не знает, да и рассуждать не стоит, что было бы, останься они в Вильне. Возможно, войну не пережила бы вся семья. А так жертвой пал только глава семьи – Иосиф. В 1939 году (что, с учетом совпадения с началом Второй Мировой, символично) его арестовали и расстреляли как врага народа, найдя у него дома запрещенную литературу на польском языке. Мать Вера стала воспитывать детей одна.

Маленькая Лена отца не запомнила. Мала была еще. Ей шел только второй год отроду. Когда грянула Великая Отечественная, Лене еще не исполнилось и четырех. Их с братом отняли у матери, которую как жену врага народа обязали отдавать за мужа долг приемной родине в три смены на уральских заводах, и отправили в разные детские дома. Лена попала в Подмосковье.

Война шагала по стране. Детский дом, в котором оказалась Лена, эвакуировали в Казахстан. Однако, по дороге в одном из городов (по малости лет название города Лена не запомнила) дети попали под бомбежку. Со страху все разбежались, кто куда. В том числе и надзирающие лица. И вот Лена осталась одна в полуразрушенном доме. Она три дня боялась выйти из здания на поиски других ребят. Но голод давал о себе знать даже привыкшей к лишениям девочке, и малышка отважилась выбраться из своего убежища. Долго она бродила по развалинам, пока не почувствовала запах костра. Когда же обнаружился источник запаха, радости ее не было предела – она нашла других воспитанников детского дома, ребят чуть постарше ее самой. Их было пятеро. Одни мальчишки.

Лена кинулась к ним со всех ног, и только добежав, разглядела, что у них на привязи рвется облезлый пес. Оказывается, оголодавшие мальчишки поймали его, бродившего по развалинам, и разумно решили, что собака, даже сильно исхудавшая, поможет им продержаться до того момента, пока их найдут взрослые. Лена с ужасом поняла, что бедную псину ждет участь стать обедом, а может даже и на ужин останется.

Когда мальчишки убивали собаку и разрезали мясо, Лена только и смогла, что зажмуриться и заткнуть уши руками. Не смотря на все ее усилия, визг умерщвляемого пса остался у нее в памяти на всю жизнь. Но от голода уже темнело в глазах. А мясо – оно и есть мясо (блюдо в детдоме редкое). Тем более, что Лена была еще слишком мала, чтобы разумно понимать все происходящее. Когда похлебка на скорую руку была готова, Лену позвали к импро-

визированному столу. От этой трапезы у нее осталось только одно воспоминание – мясо было сладким.

Потом их нашли (пес сослужил свою службу – дети не умерли с голоду) и отправили дальше по дороге в безопасные места. Там произошло еще много чего. И катание с горки было зимой с потерей единственных на всю группу валенок, которые воспитатели отправили Леночку искать босиком, в следствие чего она заработала ревматизм ног. И голод вечный преследовал. Но так страшно, как после бомбежки, там, на развалинах утратившего за прошествием лет имя города, ей уже не было.

Когда война закончилась, а детский дом возвращали в Подмосковье, путь их лежал через Урал. И случись им проезжать недалеко от городка, в котором Леночка родилась. В этот момент случилось то, что по другому как чудо я назвать не могу. Лена вспомнила эти места (хотя забирали ее из родного дома совсем малышкой), и стала просить воспитателя – женщину сердобольную – выслушать ее и отвести домой. Женщина прониклась на уговоры и решила проверить, так ли это. Уж больно странными звучали разговоры Лены. Ну не могла она никак всего этого помнить.

Каково же было ее удивление, когда выяснилось, что девочка с точностью описала свою улицу, дом, в котором жила с мамой и братом, и даже дверь их квартиры. Радости Лениной мамы не было предела. Старшего сына после войны она нашла быстро. Тот был уже подростком, да и на начало войны ему было одиннадцать – все помнил. А вот Леночку отыскать она уже совсем отчаялась.

Добавлю одно – для Леночки слово «война» всю жизнь имело сладковатый привкус собачьего мяса.

II

Оставим Леночку, воссоединившуюся с семьей на Урале, и перенесемся во времени и пространстве в центральную Украину. Именно там война застала другую девочку – Ниночку, когда ей было без месяца восемь лет. Обо всех трудностях и страхах, которые ей пришлось пережить на территории, оккупированной фашистами, я не знаю. Не могу себе даже представить, этих ужасов. Одно знаю – голод был ужасный. Мужчины или на фронт ушли, или в партизаны. В селах оставались только женщины, дети и старики.

Земля сама не родит. Возделывать надо. Да как? Если ни лошадей, ни даже быков нет. Вот и впрягались в плуг те, кто остался – от мала до велика – и пахали поле, чтобы обеспечить продуктами свои семьи и партизан. Пахала на равне со всеми и Ниночка в паре со своим двоюродным братом, который был всего на год старше.

В мае 1945 года, когда Великая Отечественная Война закончилась разгромом фашистской Германии, Нине было без двух месяцев тринадцать лет. А ее двоюродному брату уже полных четырнадцать. Чуть позже вышел приказ, наградить званием «Труженник Тыла» тех граждан, чей трудовой вклад в общую победу приблизил этот светлый день. Было только условие – на момент окончания войны оным должно было исполниться не менее четырнадцати лет.

Так уж вышло, что для Ниночки награды не нашлось. И для нее слово «война» помимо пережитого ужаса навсегда обрело вкус несправедливой обиды...

К чему я все это затеяла писать? Я просто хочу, чтобы однажды у всех детей на Земле, в любой стране слово «война» перестало иметь какие-либо другие ассоциации, кроме одной – это все было когда-то давно и неправда. И я верю, что взрослым, которые прочтут мой рассказ, вполне по силам приблизить этот день.

Васька

В наши дни все герои этой истории уже успели уйти в вечность, а значит, никто не сможет сказать, что я преувеличиваю, приукрашиваю, или, наоборот, чего-либо не договариваю.

Было это давно. Почти пол века назад. В одном южном приморском городе жил мальчик. Звали его Александр. Имя это имеет греческие корни и дословно переводится как «мужественный защитник». Однако, Саша в детстве мало соответствовал своему имени. Он был единственным ребенком, болезненным и домашним. Частые переезды с места на место не способствовали появлению у нашего героя друзей, а родители вечно были заняты добычей хлеба насущного, от чего Саша все чаще пропадал в мире книг и своих фантазий. Возможно, в мыслях своих он был рыцарем, воином, да и просто смелым героем, однако в реальной жизни воплощать мечты было не на ком.

В момент описываемых событий, как я уже упоминала, семья Саши жила в небольшом приморском городке на юге нашей необъятной родины, куда переехала с севера по причине слабого здоровья Сашиной мамы. То ли холод накладывает на людей такой отпечаток, то ли необходимость в суровых условиях держаться друг друга, только люди на севере более отзывчивые, чем на юге. Душевное тепло согревает их даже в лютый мороз. По крайней мере, так после нескольких месяцев с момента переезда стало казаться нашему герою.

За неимением собственного жилья семье приходилось ютиться по чужим углам. На сей раз для проживания им была предоставлена летняя кухня при хозяйском доме. Хозяйка, женщина уже не молодая, приходилась какой-то дальней родней Саши по отцовской линии. Однако, денег с его родителей брала не по родственному, а по своим потребностям, коих имела немало, не смотря на то, что собственное хозяйство приносило приличный по тем меркам доход. Ну да Бог ей судья.

Своих детей хозяйка не имела, да и вообще к детям относилась безразлично.

– Визжат, гадят, всюду лезут. Проку от них никакого, одни убытки, – любила говорить она.

И Саше было запрещено появляться где-либо, кроме покосившейся саманной кухоньки, в которой они жили, как и приводить в дом друзей. А за двор ходить родители не разрешали, потому как боялись, что чадо их без надзора в какую нибудь историю попадет. Вот и сидел мальчик целыми днями один, до тех пор пока не принес как-то из школы белого облезлого котенка, которого кто-то подбросил в школьный двор.

Родители сначала заупрямились, потому как хозяйка и на животных строжайший запрет ввела, однако, потом сдались. Уж очень Саша их просил. Он в первый раз проявил такую твердость. Сказал, что кот уйдет из дома только вместе с ним. У папы с мамой было одно условие, что гулять новый жилец будет по ночам, чтобы избежать столкновений с хозяйкой. Котенка отмыли, накормили и назвали Василием. И стал он расти в любви и заботе не по дням, а по часам.

Целыми днями Васька сидел дома и терпеливо ждал, пока Саша вернется из школы. А после они вместе предавались блаженному «дурака валянию», точнее, валянию Васьки по полу за фантиком. Мальчик только просил друга:

– Васенька, ты же умный кот. Ты должен сидеть молча. Не мяукать.

И Васька, который и впрямь был очень умен, молчал. Только беззвучно открывал рот, в знак того, что он все понимает.

Так шли дни и недели. Васька из облезлого котенка превратился в дородного пушистого кота. Тут и грянул гром. Ведь шила в мешке не утаишь. Да и природа взяла свое.

У хозяйки в доме жила кошка какой-то редкой породы. Кошку звали Клеопатрой, и хозяйка обожала ее до умопомрачения. Только жениха для вязки все найти не могла, так как порода и впрямь была редкой. Как уж Васька пробрался в дом, история умалчивает. Однако, достаточно скоро стало понятно, что Клео скоро станет мамой – крику было на весь двор – и в положенный срок на свет появились четыре прелестных комочка. Все как один белые.

Хозяйка была далеко не душой, и быстро смекнула, откуда ноги растут. Часто ей казалось, что из форточки ее жильцов по ночам во двор соскальзывает нечто белое и пушистое. Однако, не пойман – не вор. Ведь доказать что-либо она не могла. Ваську прятали надежно. Тогда она замыслила поступок по любым меркам крайне дикий.

Выждав момент, когда Сашины родители не было дома, она позвала мальчика в дом, да по дороге попросила набрать ведро воды из колонки. Саша был мальчик послушный и исполнительный. Сделал все, как ему велели. Каков же был его ужас, когда тетка приказала ему утопить в принесенном ведре новорожденных котят. Он заплакал и стал просить:

– Нет. Я не могу этого сделать. Не заставляйте меня, пожалуйста!

Но хозяйка оставалась непреклонна:

– Думаешь, я не догадываюсь, кто во всем виноват? Это ты притащил этого проклятого кота, чтобы он мою Клео попользовал. Если ты сейчас не сделаешь, как велено, я его все одно поймаю и самого утоплю! Живо швыряй их в ведро, дрянной мальчишка!

Как Саша ни плакал, как ни умолял, тетка своих позиций не оставляла. В конце концов страх за дорогого друга окончательно парализовал его волю к сопротивлению, и он как в тумане опустил малышей одного за другим в ведро. Котята барахтались и пищали, Клео орала как резанная. Саша уже даже плакать не мог от дикости всего происходящего. Как живая кукла он, не осознавая окружающей действительности, пошел за хозяйкой на дальнюю грядку, где уже совсем из последних сил вырыл небольшую ямку и выплеснул в нее воду из ведра вместе с уже мертвыми малышами. После он засыпал ямку землей и от всего пережитого лишился чувств.

Только тут тетка спохватилась. Она вспомнила, что он все-таки то ли племянник ей, то ли внук. А может, просто сообразила, что скоро придут его родители, и ей придется все это как-то объяснять. Уж не знаю, что у нее в голове происходило. Какие чувства ею двигали. Однако она перенесла бесчувственного мальчика в тень и стала поливать водой. Саша пришел в сознание, но увидев перед собой ту, по вине которой он давеча столько выстрадал, малыш опять зашелся в рыданиях. Как она его ни успокаивала – и конфет предлагала, и телевизор в доме посмотреть – а он все не унимался.

Тут и Сашины родители с работы пришли. А тетка со страху, в попытке оправдаться усугубляя свою вину, затараторила:

– Да ничего ему не сделается. Я всего-то попросила его помочь от вырождков избавиться. Уже взрослый пацан. Семь лет. Пора к жизни приспособливать. Чего вы его таким неженкой растите. Он же будущий мужик.

Отец Саши – человек резкий и эмоциональный – поняв, что пришлось пережить его сыну, чуть не покалечил родственницу. Однако, вмешалась Сашина мама, сказав, что мальчику не нужен лишний стресс.

В тот же вечер семья собрала все свои вещи и переехала на новое место жительства. Благо, хоть городок и был приморским, а сезон еще не курортный – нашли быстро. К слову сказать, вдвое дешевле, чем у родни.

Саша от пережитого стресса долго болел. У него был сильный жар. Сборы и переезд начисто стерлись из его памяти. Очнулся он только через две недели, и понял, что кто-то теплый греет ему бок и лижет шершавым языком руку. Конечно, это был Васька, который пролежал рядом с другом все две недели, показавшиеся бедному животному бесконечными. Как только Саша его увидел, так сразу опять заплакал:

– Ты прости меня, Васенька, что я твоих деток не смог спасти!

А Васька только подобрался поближе к его лицу, всем своим видом демонстрируя, что он простил, и начал вылизывать слезы с Сашиной щеки. И понял тогда Саша, что преданней друга он, наверное, никогда и не встретит.

Сколько потом ни меняла Сашина семья место жительства, а Васька всегда следовал за ними. Он прожил долгую даже по кошачьим меркам, счастливую жизнь. И оставил Сашу, только когда почувствовал, что пришло его время. Коты – они такие. Предпочитают встречаться с Костлявой с глазу на глаз, без посторонних.

Вы спросите меня, где выводы? Где смысл? Где урок? А не напишу. Не будет их. Пусть каждый найдет самостоятельно.

Одно только добавлю. Саша вырос и намного пережил своего пушистого друга. Но всю жизнь очень трепетно относился к котам и кошкам, не позволяя никому их обижать, и относясь к ним на равных. Даже с каким-то священным обожанием. Было у него много разных друзей в мире людей. Однако, умер он во сне. Совсем один. Окруженный потомством некогда принесенной из леса кошечки, которую кто-то просто завез подальше с глаз долой на верную смерть.

Камень

*Моему дорогому, теперь уже вечному, другу Андрюшке
посвящается*

Есть у меня одно странное, на взгляд моих знакомых, хобби. Я собираю камни. Нет, не драгоценные, или полудрагоценные, как, наверное, сразу придет вам на ум. Самые простые камни, через которые вы так часто переступаете. Вы конечно же спросите:

– Что же в них такого, в этих камнях? Зачем тебе этот мусор? Мало ли на улице булыжников валяется?

– Я собираю простые камни, да с необычной историей, – отвечу я.

В моей коллекции есть камни, привезенные сыном с моря. Обычная галька самой обычной формы. Только ездил он тогда в первый раз в пионерский лагерь и решил привезти мне сувениры, а так как денег на них у сына не было, он собственноручно насобирал камни на пляже и сам их раскрасил. Для меня это был лучший подарок – его внимание.

Есть камни редкие. Например, чароит. Его месторождение, единственное в мире, в устье реки Чара в Сибири. Больше нигде таких камней нет. Или же влтавин (более известный как молдавит). Его тоже находят только в одном месте на земном шаре – на берегах реки Влтава в Чехии.

Всего в коллекции у меня более двадцати камней. Это немного. С учетом того, что собираю я их уже десять лет. Но каждый камень мне дорог, так как за каждым из них стоит человек или событие, которые мне не хочется потерять. Историю одного из моих экспонатов мне и хочется рассказать.

Был у меня замечательный друг – Андрюшка. Все его называли не иначе как Могучий. А я звала Бобром. (Была у нас одна развеселая история в самом начале знакомства, после которой мы друг друга иначе не называли, да о ней в другой раз.) Большой был человек. И очень добрый. Светлее я в жизни мало людей встречала. Говорю был не потому, что мы с ним разругались. Нет, с Андреем сложно такое предположить. Ближе и роднее его мне сложно было представить. Потому как пережито вместе было не мало и горя, и радости. Просто он уже год как там, куда мне в силу крепкой привязанности к телу пока дорога закрыта.

Так вот, собрался Андрюшка как-то в командировку в Италию. Звал с собой, да дела меня не отпустили тогда. И он, как в сказке про аленький цветочек, начал вопрошать меня и еще одну нашу общую знакомую – Женю:

– Что вам привезти из-за моря, подруги мои любимые?

Ну, или как-то по другому. Не важно. Главное суть не меняется.

Женечка (которую однажды метко назвал Кротом мой сын) сразу попросила сумку, так как имела стойкую ассоциацию «Италия-сумки», а сумки итальянской в своем шкафу не наблюдала.

Я же попросила камень. И сколько Андрюшка ни пытал:

– Может что другое хочешь? Сумку, как Женька, или сувенир какой?

А я стояла на своем:

– Просто привези мне камень. Любой. Мне больше ничего не надо.

Покачал головой Андрюшка, да согласился. Потому как знал, что спорить со мной бесполезно.

Уехал он на целых две недели. Но каждый день звонил, и мы часа по три к ряду болтали. Потому как он там на чужбине скучал по русской речи. Помимо рабочих моментов вызывающей стороной была организована обширная экскурсионная программа. И за эти

четырнадцать дней друг мой успел посмотреть добрую половину страны. И вот на шестой день звонит он мне с жалобой:

– Сумку Кроту давно нашел. Сувениров кучу накопил. А камня нет нигде.

– Как так? – Говорю. – Неужто во всей Италии камней нет.

– Есть, – отвечает. – Но либо в стенах домов, либо в мостовых. Я уж ковырял-ковырял, а достать не получается.

– Разве бывает так, чтоб бесхозные камни нигде не валялись?

– Да есть. Но те совсем мелкие. А я же хочу тебе что-нибудь весомое привезти.

Широкой души человек был.

– Какой привезешь, тот мне и дорог будет, – успокаиваю я Андрюшку. – Вот ты завтра на экскурсию едешь?

– Еду, – отвечает. – Нас завтра в Сало (ударение на второй слог) везут.

– Вот и чудненько. Там точно найдешь. Я это чувствую.

Оставшиеся дни пролетели быстро. Возвратился Андрюшка домой. И по поводу возвращения собрались мы у меня. Смотрю, друг мой аж сияет и прячет что-то за спиной.

– Колись, – говорю. – Что за сюрприз меня ждет?

А на сюрпризы Андрюшка был горазд. Помню, как-то опоздал он на мой день рождения. Я звоню-звоню, а он все никак не доберется. Потом приехал и вот с таким же лицом вручил мне сверток, перемотанный изолентой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.